

Лариса Щербакова

Над небом и под ним

Лариса Щербакова

Над небом и под ним

<https://litres.ru/74463257>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три брата из 90-х мечтают о быстром решении нравственных и социальных проблем и в скором времени им представляется такая возможность, но в каком из миров? И вот уже они, как герои сказки у волшебного камня, делают свой выбор. Братьев ждет почти неравная борьба с темными, алчными духами, для которых парни – лишь средство в решении вопроса о собственном бессмертии в новом витке времени. Иногда героям помогают неожиданные союзники, но все-таки путь к священному Алабору им предстоит найти самим, руководствуясь зашифрованной подсказкой из стихотворения знаменитого поэта-романтика. Но возможно ли возвращение домой?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Лариса Щербакова

Над небом и под ним

Глава 1

Младший

Где же тут «12»? Сразу не понять – вот залепленная жвачкой «11», подплавленная местными факирами «13», и наконец где-то между ними кнопка как съеденный грибок ноготь. Теперь можно спрятать бумажку с адресом, которую втиснула мне в руку та старуха с жуткими глазами без зрачков.

Каких только не встретишь нищих. Грязные, с опухшими лицами бомжи в подземных переходах, жалкие, скрючившиеся старушки с иконками в руках у магазинов. У церквей побирушки всех мастей, но больше всего цыганок с целым выводком наглой черномазой мелюзги, жгучими глазенками следящей за твоими руками, когда ты лезешь в карман или сумку за милостыней.

Но такой нищенки я не видел никогда. Что-то вроде черной мантильи с вуалью покрывало ее голову и аккуратное длинное серое платье. Она будто проникла из позапрошлого века в нашу жизнь. Я сам ощутил себя в каком-то странном

пространственно-временном искажении. Тонкая кожа протянутой руки была похожа на безжизненный листок из старого гербария.

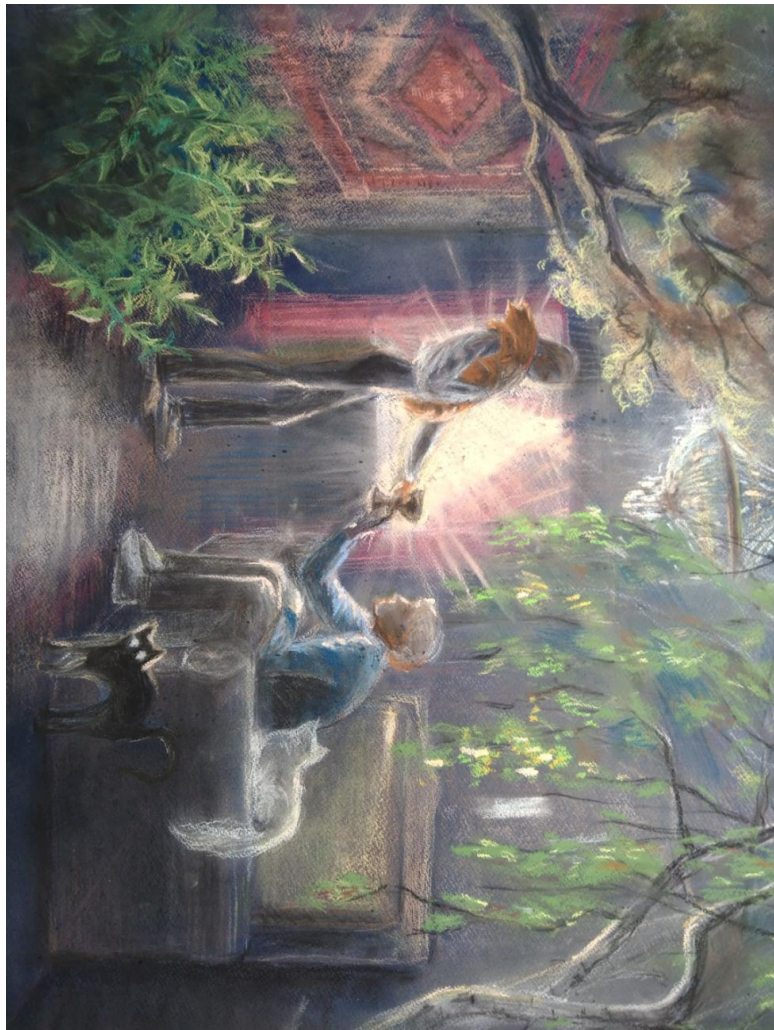
Стройная, статная, она могла бы сойти за молодую девуцу, пока не заглянешь ей в лицо. Оно было старинно-благородным, хотя на секунду ее профиль мне напомнил почему-то крота. Все проходили мимо – как ни странно, не обратив внимания на нее. Я же столкнулся с ней взглядом. Она что-то беззвучно прошамкала своим кисетным ртом, но меня, как магнитом, притянула к ней инфернальная волна. Я прикован был ее пророчеством и не помню, как оказался у меня в руках обрывок бумаги с адресом, но понимал, что нужно скрыть его от братьев.

Боже, что за темнота! Каждый раз, входя в длинный аммиачно-душный коридор подобной многоэтажки, невольно испытываю ужас, будто оказался в гробу. Почти на ощупь нахожу нужную дверь, жму на клавишу звонка – похоже, он давно состарился: звучит скрипучая мантра вместо музыкальной трели. Никаких признаков жизни в ответ. Нажать еще раз? – И словно услышав мой вопрос, раздается неожиданно приятный женский голос:

- Не стоит. Достаточно одного раза, – дверь открывается... Когда-то в книге доктора Оливера Сакса я читал о некоем Верджиле¹, которому после 40-летней слепоты вследствие

¹ «Антрополог на Марсе: Семь парадоксальных историй» ([англ.](#) *An Anthropologist on Mars: Seven Paradoxical Tales*) — книга [американского невроло-](#)

плотной катаракты -произвели операцию, вернув зрение. Но этот человек, вопреки ожиданиям, не только не испытал облегчения, а тем более счастья от возможности видеть, но и обрел немало проблем с новым способом восприятия мира, который требовал ломки осязательных навыков, заменявших зрение. Он потерял чувство дистанции: машина, едущая совсем близко, виделась ему на отдаленном расстоянии; большое затруднение вызывало различение размеров и форм предметов: кошку от собаки он отличал по-прежнему, только погладив ее. Хотя нам, зрячим, трудно понять, что происходит с людьми, подобными Верджилиу, а тем более, какие нейронные связи за это отвечают (это дело медиков), но, кажется, я испытал нечто подобное, едва открылась дверь.

Сноп света разделил время и пространство на «до» и «после». Казалось, не таким уж солнечным был этот день, но блики дневного светила гуляли повсюду: по длинным полкам с книгами, дивану с шелковыми подушечками, клетке с попугаем; но особенно много света было на полу, так что трудно было разобрать, какого он цвета. Комната простиралась в бесконечность, границы ее не обозначались моим зрением. Посередине свисали прозрачные гирлянды люстры. Верхний конец длинного шнура, к которому она крепилась, уходил в невидимую перспективу.

– Проходи, - раздался тот же голос. Да, сначала я слышал только голос, так как его хозяйка тоже была для меня невидимой, пока мои глаза не привыкли к свету. Я ожидал, что она спросит, зачем пришел, но тут же осенило: Она знает все.

- Садись, - сказала она, кивнув на старинный кожаный диван с высокой спинкой и откидными подлокотниками-валиками. Я не без опаски сел на него. Пружины дивана протестно захрустели под моим телом, а потрескавшаяся шершавая обивка ошетинилась, явно не радуясь такому тесному соседству со мной.

Она была весьма привлекательная, нет, я ошибся – чертовски привлекательная! Ведь только теперь смог рассмотреть ее. Длинные ресницы, светло-каштановые волосы до лопаток; легкая светлая блузка оттеняла матово-белую кожу рук, которая не отражала весь этот свет, а хищнически

впитывала его; длинные стройные ноги. Правда, на левой был весьма заметный синий шрам чуть ниже колена по всей окружности голени. Я пытался представить себе, как она этими ногами перепрыгивает вечный зловонный ручей перед ее домом, а иначе попасть в подъезд было невозможно, и я всякий раз обходил этот дом с другой стороны, чтобы не завязнуть в грязи. Нет, не получилось представить – оксюморон какой-то.

Но там, за пределами квартиры, все казалось естественным и даже рациональным. Ну, построил какой-то деляга вычурные хоромы якобы, как говорило местное информбюро, для ресторана, накопал траншей рядом, а потом, видимо, бизнес захирел, а траншеи остались – и текла по ним водица неизвестного происхождения. А «ресторан» стоял, пустыми оконными проемами удивленно взирая на прохожих, будто извиняясь за то, что сам не понимает, зачем он здесь.

– Возьми шоколадку, - сказала она, пододвинув на стеклянном столике распечатанную плитку (интересно, кто ее до меня ел?). Я хотел, нет, только подумал отказаться, но она, поняв это:

- Не можешь не съесть, иначе...

Затем она двинулась в ванную, зашумела вода, а я под шум воды давился явно несвежим шоколадом, безнадежно пытаясь заглушить что-то противящееся в себе, закрыться шумом-ширмой, за которым, возможно, мое спасение. Длинные ноги (почему-то слегка прихрамывая) вернулись:

- Тебе туда.

— Это еще зачем? Но раздавшийся за спиной голос - «даже не думай!» - подтолкнул вперед, однако заставил оглянуться: это был не ее голос, такой приторно сладкий, шоколадный, - это был почти животный, гортанный хрип туберкулезника, именно такой периодически раздавался за стеной моей комнаты из квартиры соседа — худого, костлявого мужика с испытанным лицом, на котором самым живым казался нос, большой и подвижный клюв хищной птицы. В комнате не было никого; только попугай, раскачиваясь на жердочке, как-то особенно мирно посмотрел на меня... Значит, показалось.

Я поплелся в ванную, где меня охватил животный страх. Стены были черного цвета со вставками из разноразмерных зеркал, которые отражали красный цвет воды. Пытаясь утешить себя, что это красные зеркала отражались в обычной воде, несмело разделся и полез в ванну. Это была вода. Холодная, вязкая. Правда, запах ее напоминал запах горсти монет, которую я долго держал во вспотевшем кулаке, когда стоял в очереди в школьный буфет. На сушилке для меня было приготовлено красное полотенце.

После этой «баньки», мягко говоря, не совсем приятной, меня трясло так, что (я точно знаю) воздух вокруг меня разрядился.

Однажды мне уже было так же холодно. Помню, в третьем классе, мы еще тогда с Серегой Крикуновым целый вечер после школы прокорпели над созданием шифра, который бы

пригодился для разведчиков на случай войны. Мы все тогда ждали войны с загнивающим капиталистическим западом – гонка вооружений и все такое. Так вот, Серега сказал, что надо и нам подготовиться, и я серьезно трудился над шифром допоздна, пока мой приятель ссорился с младшим братом, все время требовавшим починить ему игрушечный грузовик, прилепив пластилином отвалившееся колесо. Однако через два дня Серега быстро перестроился на мирные рельсы и с помощью шифра писал любовные записки девчонкам, подбрасывая их во время уроков. А я работал дешифровщиком: ненароком подсовывал ключ в дрожащие от смущения девчоночьи ладони.

Именно в тот вечер я гнал с тревогой домой, переживая за родителей, которые, как я думал, сидели у окна и оплакивали безвременно ушедшего сына, потому что для родителей подростков самое главное, чтобы их дети возвращались домой живыми. Вернее, плакала только мама. Она сидела в своем желтеньком халатике, стоптанных тапочках, с бигудями, поверх которых была надета розовая газовая косынка; а отец ходил мрачный из угла в угол, и только желваки на его лице перекатывались вверх-вниз. Мысль о том, как я сейчас обрадую родителей, вернувшись живым, незаметно привела меня к родной двери. Я улыбался.

Мама, действительно, оказалась заплаканной, но на ее лице было еще нечто, кроме слез, то, что она усиленно пыталась скрыть от меня. Не было ни бигудей, ни косынки, во-

лосы растрепанными прядями прилипли вокруг покрасневших ушей. А он! Он стоял, стиснув кулаки, и желваки ходили по скулам вверх-вниз. Он поравнялся со мной и выкрикнул мне в самое лицо: «Это ты во всем виноват!» Я даже не заметил, что до сих пор улыбался. Эта улыбка будто нарочно приклеилась к моему лицу, может быть потому, что уже не принадлежала мне, а осталась с тем, прежним мальчишкой, который еще полчаса назад старательно трудился над своим первым в жизни важным делом. Но теперь я отделился от нее, отделился навсегда.

Потом я до утра просидел в подъезде под нижним пролетом лестницы. И вот тогда я впервые по-настоящему замерз. Вернее, сначала я не чувствовал холода, так как мои виски выстукивали чечетку, грудную клетку сдавило, ртом я хватал воздух так, как пойманные отцом карпы, которыми он хвастался перед соседями. Я пальцами размазывал по лицу слезы вместе с остатками пластилина. Но потом как-то все притупилось, затихло во мне. Я несколько раз слышал громкие крики сверху, слышал, как мама звала меня. Потом в наброшенной на голову газовой косынке она несколько раз выбежала на улицу. Но я сидел, словно в оцепенении, и чувствовал, что замерз. Этот холод был не только в подъезде – он был внутри меня, и мне почему-то стало все равно. Утром, чуть рассвело, они нашли меня: мама не переставая плакала, целовала меня, давала самой себе какие-то обещания, но мне хотелось только одного – согреться. С тех пор я не люб-

лю пластилина, газовых косынок и стараюсь обходить стороной уличных продавцов живой рыбы.

Мне казалось, что и теперь я должен пережить нечто подобное... Да, именно! «Вернись, вернись!» – звучало где-то в моей голове маминым голосом. Но тут вступил в мой внутренний спор другой голос: «Пора!»

- Пора, - сказала она. – Пока не закончился прилив.

Она была обычной, хотя и красивой. Разве может быть такое? Глаза? Мне захотелось взглянуть в них. А она, вдруг всплеснув длинными пальцами, залепетала:

- Ой, совсем забыла показать тебе своих деток – девочку и мальчика – посмотри, какие они милые.

И уже тащила маленьких, с виду месячных, пушистых котят с рыжеватой шерсткой. Она целовала их, смеялась. И только теперь я увидел, что на стенах, столе, диванных подушках, полках красовались приметы айлуорофилии: фото, вышивки, календари и календарики, гипсовые фигурки и их меховые двойники – везде кошки разных пород; кошки жующие, спящие, прыгающие; в корзинах, креслах, ваннах и даже унитазах. Никогда не встречал такого египетского поклонения!

- Поцелуй их, - сказала она. Это можно было отнести к очередной дури котолюбки, но был взгляд...вернее, ощущение его, от которого прошел холодок по коже. Это еще одно!

Она не настаивала, а требовала, иначе...

Я вышел на балкон. Дома, впиваясь трубами и антенна-

ми в серое небо, теснились в хаотическом беспорядке вокруг детского сада и отделения милиции, рядом с которым был разбит небольшой сквер – единственное место для прогулок мам с детьми. Две молодые женщины что-то жарко обсуждали, пока их детишки в песочнице щедро сыпали друг другу на головы песок. В доме напротив праздновали свадьбу. Гремела музыка:

По зелёной глади моря, по равнине океана

Корабли и капитаны, покорив простор широт,

Мира даль деля на мили, жизни даль деля на вахты,

Держат курс, согласно фрахту...

Она что-то делала на кухне, звеня посудой. А гости вопили в полном диссонансе:

- В по-о-орт, в по-о-орт!

Запахло ладаном, гвоздикой.

- Мо-о-ре-мо-о-ре, мир бездо-о-он-ный! - орали пьяные голоса, несинхронно растягивая слоги. И вдруг я ощутил, что все это так далеко от меня, почти нереально, или выпал я из этой реальности. Однако жамевю меня не пугало, подсознание уже привязало к чему-то другому, более важному.

Наконец, странно хромая, она появилась передо мной с каким-то экзотическим кубком из кости и протянула его

мне. Я все понял без слов.

Этот напиток войной прогремел внутри меня, но я заключил Нанкинский договор, не имея достаточно сил к сопротивлению.

- Пора, пока не закончился прилив, - настойчивей повторила она и придвинула ко мне свое лицо. От ее мутно-темных глаз без зрачков задрожали руки, мне показалось, что я теряю сознание.

Затем я вдруг ослабел, и меня неудержимо потянуло в сон. Однако совсем не радовала перспектива заснуть на этом диване, потому что сразу понял, что мы с ним не друзья. Да и вообще, разве я за этим пришел? Что-то подсказывало мне: где-то должно быть спасение, и я решил уставиться в ковер на стене, чтобы затейливые узоры отвлекли мое внимание; когда-то мне это помогало в раннем детстве – если хотелось подслушать поздние разговоры старших братьев в соседней комнате, а сон одолевал меня, тогда я начинал путешествие по орнаментным лабиринтам коврика над моей кроватью, представляя себя сказочным героем Иваном-царевичем, бегущим по нити волшебного клубка, подаренного Бабой Ягой.

Черно-красные нити образовывали завитки, змеями сплетались в кольца, распутывались в длинные зубчатые дорожки, заходили в желтые пятна-тупики и снова сплетались. И теперь я стал проделывать то же сказочное путешествие, путешествие почти предсказуемое, среди растительных орна-

ментов, в шерстяном лесу, без опасных приключений и сил зла, ставящих преграды на пути.

Но тут на лесной дорожке стало смеркаться, потянуло сыростью, туман обесцветил травы и кустарники; скоро и тропинка пугливо уползла в гущу леса. Мне пришлось пробираться сквозь молодую поросль дубков и осинок, временами вступать в схватку с дикой малиной. Тьма сгущалась и плотнее придвигалась ко мне. Я поднял голову. Сквозь дремучие завесы крон жалко проглядывал узкий месяц: «Мало от меня толку – что ж, брат, бывает». Спотыкаясь о корни, то и дело попадая ногами в ложбины, я все же не сбавлял шаг. Мне казалось, что остановка погубит меня, засосет в лесное царство навеки. Наконец впереди показался просвет. Неужели выбрался?

Нет, передо мной стояла избушка...и впрямь на курьих ножках. Подошел поближе, открыл низкую дверцу. Резко ударил в нос запах плесени, диких трав, но сильнее всего был другой, сладковатый, удушливый запах, который определенно был мне знаком. В избе было темно и прохладно. Печь, вероятно, давно не топили. Но жилище не было необитаемым, чувствовалось чье-то присутствие: то ли шорох одежды, то ли отрывистый шепот.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидел перед собой деревянный, покосившийся от времени стол, за которым, как полагается, сидела старуха. Путаная пакля седых волос закрывала пол-лица, хотя на самой макушке была за-

вязана грязная косынка, потерявшая свой цвет, наверное, несколько веков назад. Вероятно, когда-то она должна была прикрывать волосы, но ее хозяйка, освободившись от этой заботы, оставила ее доживать на голове без внимания. Длинный, с большими неровными ноздрями нос был продолжением линии очень низкого лба. Обвислая нижняя губа обнажала пустую челюсть с серыми деснами. Корявыми, словно сухие сучки, пальцами она водила по столу и, казалось, совсем не заметила моего появления.

Я огляделся по сторонам и справа у стены увидел диван – тот самый, с валиками по бокам. На этот раз я обрадовался ему, как старому знакомому, и кинулся в его объятия. Прилег и думаю, затопила бы что ли старая печь, что-то уж совсем пробирает до костей.

- Всею свое время, – проскрипела она, будто услышав мою мысль. Мне стало еще холоднее. Тут раздался резкий стук, как клювом по сухому дереву.

- Что стучать, садись, потолкуем, - злобно прошипела старуха. На плечо к ней откуда-то с притолоки слетел огромный ворон.

- Пролил-таки он немного твоего зелья, вон пятно у левого кармана, - прокаркал ворон. Я невольно взглянул на свою рубашку, хотя не верил (или не хотел верить), что речь идет обо мне, ведь они даже не смотрели в мою сторону, словно меня тут и не было. Но, к своему ужасу, обнаружил на рубашке отчетливое пятно. Понюхав пятно, почувствовал тот

самый сладковатый душок. К горлу подкатил живой ком, почти физическое ощущение чужих жестких пальцев на шее заставило невольно потрогать ее руками.

Я хотел запротестовать, но почему-то из моего рта, кроме сдавленного, чуть слышного хрипа, ничего не прозвучало. Они даже не обернулись. Только ворон странно покосил взглядом своих агатовых глаз.

И вообще, где-то я его действительно видел. На груди его из-под черных перьев торчала матросская тельняшка. Мой сосед-туберкулезник носил точно такую же. Мы жили с ним на одной площадке уже лет 20, и он никогда не снимал ее, хотя во флоте не служил. Стирал ли он ее когда-нибудь или у него их была дюжина – на смену? Кроме тельняшки, на вороне был жилет серого цвета с множеством карманов и сетчатыми вставками. Слетел он с плеча бабки на стул. Вижу: точно – сосед. Большой подвижный нос и ухмылочка та же. Сидит, почесывается.

- Ну что, сыграем?

Бабка недовольно поморщилась.

- Пошевелись, карга, и печку надобно бы уже...

- Не спеши, Бескровный, в рай, просто ляг и умирай, - сказала бабка и захохотала. Потом она набросала дров в старую, почерневшую от золы печь, разожгла огонь. Изба осветилась рваными языками пламени. Нос старухи отбросил гигантскую тень на бревенчатую закопченную стену, откуда на меня смотрели коты разных пород. И только на них не бы-

ло видно паутины, но остальную поверхность стен и низкого потолка заволокла плотная грязная сеть. Из-за печки Яга вытащила огромный мешок, в котором гулко загремело. Из мешка посыпались на стол кости. Глаза у Бескровного загорелись. Поделили они кучу костей на две части, и началась игра.

Берет старуха кости по одной и бросает за плечо:

- Старая! Старая! Старая!

Слышу, как нарастает злоба в ее голосе. А Ворон посмеивается. И откладывает свои кости в сторонку.

- Старая! Старая! – еще неистовей кричит Яга. Ее губа трясется, разметывая в разные стороны слюну. При каждом крике она бросает кости в стены. Кости попадают в нарисованных и фигурных котов на полках, и они соскакивают на пол живые, с пронзительными воплями разбегаются кто куда, а кости собираются в кучки. И вдруг я услышал стоны, тяжелые сетования и такие скорбные жалобы, что защемило сердце! Это были человеческие кости!

Старухина доля была исчерпана.

- Да-ай костей! – неожиданно умоляющим голосом пропела она.

- Нет уж! – загробастал Бескровный своими сухими руками оставшиеся кости, посыпались они на пол, стеная детскими голосами.

- Ну, твоя взяла. Не будь я Яга, если не исполню договора.

- Тогда поддай жару!

Печка загорелась жарче. Мне стало невмоготу, и я подумал, что пора бежать. Но вдруг валики дивана закрутились с невероятной быстротой вовнутрь, прижав меня с обеих сторон, высокая спинка согнулась и накрыла меня сверху, как крышкой. В печи загудело, завывало, избушка вся затряслась, захлопали ставни. Баба Яга с Бескровным засуетились.

- Давненько Он ждал такой жертвы!

Я хотел вырваться, но понял, что поздно. Тогда я поднял руку для крестного знамения, но не успел: большой черный кот с диким воплем набросился на меня, вцепился стальными когтями в запястье.

- А-а-а-а! – но крик мой был беззвучен, будто во сне. Тогда бабка сказала коту:

- Что ты, бесёныш? Иди на печь, пока не твое время.

Кот, ошетиная шерсть, отполз в сторону.

Печь горела жарко, надежно. Я пытался вспомнить молитву, которую моя бабушка, закончив свой трудовой день, творила перед иконами. Развязав пухлыми морщинистыми руками застиранный передник и положив его на лавку, она становилась на колени и старческим голосом шептала молитву.

- Отче, Отче наш... - пробовал начать я, но ничего дальше не получалось.

Анания, Азария и Мисаил² – рассказывала мне бабушка

² Анания, Азария и Мисаил подверглись большому испытанию в вере. Царь Навуходоносор поставил большого золотого истукана, которому все при звуке трубы должны были поклониться. Если же кто не исполнит царского повеления, будет брошен в раскаленную печь. По звуку трубы все пали на землю; только трое

– и как бы я хотел теперь вспомнить, что же помогло им не сгореть в печи огненной, но не мог.

Яга с Бескровным подхватили диван, словно перышко, и понесли к печке.

«Цок-цок, цок-цок!» - стучали когти Бескровного по деревянному полу.

«Стук-бум, стук-бум!» - неровно шла Яга, гремя костяной ногой...

А мое сердце, кажется, вообще перестало стучать. Осталось только одно: пусть сгорит вместе со мной эта записка с адресом...

– Анания, Азария и Мисаил – не поклонились истукану. Царь разгневался, приказал разжечь в семь раз сильнее печь, связать их и бросить в огонь. Пламя было так сильно, что воины, бросавшие их в печь, упали мертвыми. Но Анания, Азария и Мисаил остались невредимыми, потому что Господь послал ангела Своего сохранить их среди пламени. И они пели, прославляя Господа. Когда они вышли, то оказалось, что огонь не коснулся их, даже одежда и волосы не опалились, и запаха дыма не было от них.

Глава 2

Максим

Школа – это звуки: крикливые, возмущенные, требовательные – в общем те, которые дышат местью за свое украденное детство или неудачную карьеру. Разве бывает здесь тихо, или все-таки прячутся в оркестровой яме детские голоса, готовые взорваться оглушительной увертюрой с наступлением нового утра? Парашютики мела выпущены на волю и не спеша приземляются на учительский стол, горшки с цветами.

Он любил бывать здесь в эти часы. Смотреть на свое место за второй партой справа в среднем ряду, на которое никто так и не посмел сесть. Эта парта с виду была такой, как все, с синей крашеной столешницей, планкой внизу для портфеля, которая, как правило, по назначению не использовалась, а обычно служила складом для огрызков, рваных тетрадей, поломанных ручек. В конце четверти проходила генеральная уборка, и все содержимое извлекалось на свет, стеклянные жвачки отскребались от крышки, и разбрызганная паста оттиралась «Пемолуксом». Однако было одно место, которое имело неистребляемый след – об этом никто, кроме него, не знал.

Классная любила мероприятия с той же неистовой силой,

с какой Максим их ненавидел. Ну ладно там памятные даты в истории: битва на Калке или взятие Шлиссельбургской крепости – это еще можно было стерпеть. Нина загоняла класс в библиотеку, и библиотекарьша с жаром рассказывала свой урок, делая вид, что не замечает пресных лиц. Вокруг ее жестикулирующих рук могильным прахом развевались струи залежавшегося книжного воздуха. Тогда начитанному Максиму еще бывало интересно. Но классные часы! – это же вообще не нужный никому бред, его вообще все воспринимали как наказание! И вздумалось же Нине читать им нравоучительную книжку; не помнится, как звали героев, что-то вроде Лёлика и Болика, которые демонстрировали чудеса благоразумия и послушания. И все бы ничего, но в одном из таких рассказов речь зашла о мальчишке, воспитываемом одной матерью. Он был слабого характера и не мог дать отпор Лёлику, а только дразнился из-за угла, за что получал затрещины от Лёлика. И тогда благоразумный Болик их помирил.

- Вот видите, что значит нехватка мужского воспитания, – резюмировала мудрая Нина.

Удар под дых!

Но этого оказалось мало:

- Что бывает с ребенком из неполной семьи: его все обижают, он и сам провоцирует на унижение.

Удар в голову!

- Такие дети вырастают неуверенными в себе, инфантильными, их везде ждет неудача и т. д. и т. п. Удар в самое серд-

це!

Максим уже не слушал. Во вспотевшей руке он крутил металлический циркуль, неизвестно когда извлеченный из портфеля, и, глядя на фигуру учительницы, очень полной дамы, носившей какие-то исключительно длинные балахоны поверх широких брюк, думал: «Сможет ли предмет с таким весом получить при полете такое ускорение, чтобы пробить не только балахон и брюки, но и добраться до толстой кожи?» Он понял, что это, скорее всего, не достигнет эффекта даже комариного укуса, а потому с яростью проткнул себе палец. Кровь закапала на парту, и ему почему-то стало жаль ее, такую бесполезную, но живую, и он приложил палец к щели между краем и кромкой. С тех пор после каждой генеральной уборки Максим заглядывал туда и с удовлетворением отмечал, что кровавый след, потемневший, но вечный, живет вопреки всему. Вот и сейчас след был такой, как и прежде, только саднил изжогой под ложечкой.

Он подошел к шкафу и взял с полки книгу, которая до него явно никого не интересовала – потертой оказалась только обложка, а развернутые листы сухо затрещали в его руках.

«Эдгар По «Ворон», - прочел он на открытой наугад странице.

Никогда не смогу понять, почему некоторые люди не любят рыбу. Конечно, чистить ее – занятие так себе, зато пожаришь...запах...mmm. Особенно хорошо получалось у ма-

мы: она запекала ее в духовке с лимоном, специями. Поэтому, когда мы с отчимом собирались порыбачить, я не отказывался никогда.

- Завтра на пруд. Поедешь?

- Здорово!

Рыбалку я любил. Никаких обязательств. Никакой невымытой посуды, несделанных уроков, неотвеченных звонков, кивков, улыбок. Ты свободен! О, кому знакомо это слово – свобода? Что такое настоящая свобода? Не знаете? А я знаю. Знаю, как орел, парящий в небе, как океан бушующий, что принимают люди за неизбежность, как вулкан, извергающий лаву, – и пусть истерят СМИ, и пусть укоряют ученых, непредсказавших, непредусмотревших, - а я вулкан, мне все равно, мне плевать на ваши законы, имя им социум, некая сдерживающая сила, иными словами тюрьма, лишаящая творчества, самой жизни. Я иду по траве, дышу ее ароматом, пусть я мну ее, как властелин планеты, но я знаю жизнь каждой травинки, малейшего жучка, ползущего по ней! Вот он - замечательный сырой болотный запах. Мама все говорила: «Гнилью пахнет», - и морщилась. А мне он нравился, этот запах, запах моего детства, цветущей бузины и багульника.

Кончилась каменистая дорога с дикими сливами и яблонами по обочине, впереди засинело озеро.

- Ну что, куда? – спрашивает отчим с загоревшимся взглядом заядлого рыбака. – Я, наверное, на прежнее – между дву-

мя ивками – тишина, солнышко. А ты?

Бурчу:

- Пока не знаю, там посмотрим.

Я постоял немного на мостике, недалеко от отчима. Рыба не клевала. Рядом шумела вода в водоспуске. Я невольно потянулся к нему. Вода бурлила, как кипяток, угрожающе ревела, и было странно, что где-то рядом она безмятежна и равнодушна, как равнодушна бывает свадьба к похоронам. Я засмотрелся или заслушался – не знаю, но только впервые тогда почувствовал ЭТО. Меня неудержимо влекло туда... в это кипение, в этот ужас, затягивающий жадной пастью лаврафтовского ктулху.

- А-а-а...зараза! – слышу вдруг голос отчима. У него крючок зацепился за корягу.

Я обо всем забыл. Забыл до случая. И случай не заставил себя ждать.

Вам никогда не приходило в голову спрыгнуть с балкона высокого здания или с моста в бушующую реку? Если нет – вы счастливчик.

Однажды мы с классом пошли на кондитерскую фабрику. Коридоры времен архейского эона, дверь в цех гораздо современнее – артефакт первых пятилеток, ну и что ж. Зато конвейеры! Разные: закрытые, открытые... Все шумит, скрежест. Жара выше 50 градусов. Работают, в основном, женщины предпенсионного возраста, наверное, еще ударницы коммунистического труда.

- Оборудование у нас современное, - говорит инженер, протирая платочком вспотевшую плешь. Ему хочется поскорее уйти. С его блестящего лица считывается: «И как они здесь работают? Если бы не эти конфетные дармоеды, разве б я сюда зашел?»

Зато наши стоят с глазами расплавленной патоки и влажными от предвкушения губами. Кто-то уже запустил пальцы в мягкую карамель на лотке. А работница – ничего, улыбается. Мы с Михой переглянулись – всем, видимо, можно. И он тоже без стеснения туда полез. Я решил подождать, посмотреть, что они с этим делать будут. Стоят, слизывают, чуть ли не до грязи под ногтями. Хорошо, хоть рядом умывальник был. Они руки обмыли и держат на весу, как хирурги: куда бы еще их запустить?

Я же стою, смотрю на все эти котлы, миксеры, машины для глазировки, обжарочные аппараты, конвейерные линии между ними. Как близко, как опасно они движутся! И только протяни руку – и оттяпает ее такая машина совершенно бесстрастно. Где-то вдали раздаются голоса одноклассников, мелькают слайды чужой жизни, приделанные улыбки и жесты. И это все неинтересно, в какой-то прошлой, придуманной истории. А тут в конвейере могут быть совсем несладкие кусочки с красным капающим веществом.

Но больше всего мне понравилась машина с чудным названием «гильотинная». Режет пастилу быстро и ровно. Что еще она может отрезать? Наверное, все (с таким-то назва-

нием!). Вообще нашим людям юмора не занимать, особенно на букву Ё: «Ёшкина корова» - это конфетки такие, многим нравятся. Вот это название! Прямо, что надо! Говорят, даже конкурс был на лучшее название для этих новых конфет. И как вы уже догадались, победа досталась поклоннику буквы Ё. Газете «МоЁ», наверное, тот же самый человек название придумал. Может показаться, что ничего общего, однако: газету называют в народе «Моёшкой» - чувствуете сходство?

Но «гильотинная» переплюнула всё.

Конфет разрешили есть сколько хочешь. А как же впрок? Это с первого взгляда кажется, что советские времена прошли: поколение новое, а закалка старая – рассовали ребята конфеты по карманам, у кого сколько влезло. Работницы, конечно, все видели, но снисходительно молчали. На проходной пришлось выгрести содержимое на стол вахтеру, женщине с непроницаемым мужеподобным лицом. Тот, кто подбирал такой персонал, наверное, очень уважал «гильотинную» машину.

Когда шли домой, мины у всех были кислые: наесться вдоволь не получилось, так как просто невозможно столько съесть, а с собой не дали. Да и вообще, кондитерка так себе. Наверное, представляли себе, что попадут на фабрику Вилли Вонки. Чудаки. Я же шел и думал про «гильотинную», ну никак она не шла из головы, хотя и чувствовал себя проснувшимся после страшного сна.

Вечером выпал снег. Про кондитерскую фабрику уже не

думалось. Там, на озере, скоро лед будет. Мысли понесли меня туда. Вот бы сейчас погонять по льду с клюшкой! Хотя лед не очень ровный (это не крытый каток с искусственным льдом), зато катайся сколько хочешь, валяйся, шали, бей без правил, если надо.

И тут мне будто въявь представилась картина. Мы идем со Славиком, коньки с гордостью несем. Вот оно, наше родное озеро, уже впереди. Там уже девчонки какие-то мелкие, одна из них со своей бабушкой. Расступись, народ, мужики в хоккей идут играть! У берега по краям побуревшая осока из льда торчит. Небольшая площадка расчищена. Лед матовый, бугорками, потрескивает под полозьями, а кое-где полупрозрачные пятна. Девчонки робко жмутся по краям. Бабушка, вероятно, замерзла, стала звать девочек домой.

- Ну подожди, еще чуть-чуть, бабуля! Смотри, что покажу! – крикнула одна из них. И она решила изобразить какой-то витиеватый пируэт, заскользила в сторону... и тут случилось неожиданное: лед проломился, девчонка оказалась в воде.

А дальше все смешалось в моем сознании: я в ледяной воде пытаюсь схватиться за ускользящую под лед девчоночью куртку; одежда набрякла от воды, тянет вниз; густая ледяная жижа обжигает тело; сквозь поток отчаяния слышу, как истошно голосит старуха:

- Люди-и-и! Помоги-и-и-те, помоги-и-те!

Может, хватит уже, думаю. Сердце как колокол в груди,

только не звонит. И вообразится же такое...

Я понял, что мне от ЭТОГО не избавиться никогда.

Еще немного посидел он за партой. Постепенно класс погружался в сумрак. За окнами взошла полная луна и осветила все голубым ровным сиянием. Долго он не мог отвести от нее взгляд. Неужели и вправду на нее переселяются души умерших?

Книгу он взял с собой. Оглянулся, поправил стул, спинка которого была непараллельна краю парты.

Он любил читать. И это являлось предметом зависти многих матерей, которые жаловались на своих отпрысков, безразличных к книгам. Если б они только знали!

Мать работала медсестрой в детской поликлинике. Часто вечером, приходя домой, она рассказывала душещипательные истории о том, как у одного ребенка началась сыпь, а мамаша не сразу обратила на это внимания, или как другая в день малютки принесла легко одетого малыша в двадцатиградусный мороз.

- Ну и молодежь пошла! То ли мы были: и носик пощупаешь, чтоб теплый был, и шапочку поглубже натянешь.

Когда освободилась ставка уборщицы, она с радостью принялась и за эту работу. Ну как же сына поднять-то одной? А он сидел по вечерам в пустой квартире и от скуки стал читать все подряд. Сначала это было отчаянной попыткой заглушить не поддававшуюся объяснению тоску, потом

вошло в привычку. Когда перечитал все книги в доме (а их было немало), записался сразу в две библиотеки.

А потом у матери появился жених, такой слегка помятый, разведенный мужик, но еще довольно бодрый, если судить по претензиям, которые сыпались из него как из рога изобилия. Это не вызвало у сына чувства ревности – наоборот, он обрадовался. Наконец мать больше времени будет дома, ведь мужу полагается уделять внимание. Борщи там всякие, пирожки по воскресеньям.

В загс он пошел вместе с ними. Мать отпросила его из школы, причем сделала это, войдя в кабинет, перед всем классом:

- Понимаете, у нас сегодня бракосочетание, пусть Максим поприсутствует.

- Конечно-конечно, - сказала учительница. А он был бесконечно горд перед одноклассниками. И у нас семья, слышите? Под утихший в классе шум он пошел за матерью.

Мать отказалась от вечерней нагрузки, появились и борщи с пирожками.

Отчим воцарился на диване. Работал он слесарем-сантехником и часто бывал дома по причине отсутствия заказов. В такие дни он был хозяином в квартире и неусыпно следил за порядком. Лежа на продавленном диване (причем продавленным он стал в результате преданности ему отчима) иковыряя спичкой в зубах, говорил:

- Там над телевизором в углу паутина. Почему бы не

снять? Что за подростки пошли... - спичка при этом ломалась, и остаток ее летел с плевком на пол.

А вечером он выговаривал матери, что сын ее невоспитан и лодырь из лодырей. Она, пытаясь угодить мужу, ругала при нем Максима, прическа, завитая с утра, тряслась и разваливалась. В нужный момент она считала долг воспитания выполненным, возвращала кудри ладонью на место и шла мыть посуду. Иногда она спрашивала про оценки, но, даже не выслушав ответ, запиралась с отчимом в комнате. Квартира была по-прежнему пустой, только на 15 квадратных метров меньше.

Одноклассники раньше звали его в свою компанию, но это было давно, до третьего класса. Теперь он понимал, что для них чужой. Ребята разбились на группы, но ни одна из них не проявляла к нему никакого интереса. У подростков были свои давние дела, ссоры и порой драки, но даже в этом он был для них лишний. В школе мальчик пытался заслужить их доверие разными способами, но инерционное мышление переломить невозможно. Тогда он снова принялся за книги. Они стали его друзьями, семьей, миром.

Что произошло с Максимом в тот день, работница киоска вспоминала с недоумением. Она видела, как он перешел дорогу. Минувя остановку, пошел в сторону своего дома, но, отойдя немного, неожиданно вернулся. Кроме него, на остановке никого не было. Он стал смотреть туда, откуда на боль-

шой скорости к нему приближалась машина. Он ждал этой секунды! Он будто знал о ней! Машина вместе с его телом пробила стену продуктового павильона. Холодильник, который был финалом ее пути, оказался раздавленным всмятку. Водитель был живым.

Одноклассники принесли цветы.

На заснеженном памятнике значилось: «Воеводин Максим Иванович. 12.02.1980 – 09.01.1995».

Глава 3

Средний

Полный сомнений, Юра все же отправился на поиски камня. По дороге сначала он то саркастически подсмеивался над всем этим предприятием, то злился на свою легковёрность, но при этом что-то томительно сладкое мягко копошилось в груди, что-то обещало воплощение сокровенной мечты, а уж умереть он себе не позволит. Но когда он наткнулся на большой камень посреди дороги, самообладание внезапно покинуло его: а вдруг эта чертовка с косой уже рядом! Куда идти, где тот путь, что не ведет к встрече с ней? Как, оказывается, неприятно выбирать собственную судьбу.

Слева от камня среди травы золотисто поблескивало. Юра подошел: да это просто фантик от конфеты! Такой пустяк, но почему-то стало радостно и легко, и ноги сами повели его дальше, в то время как мыслью он уносился в чарующие воспоминания.

Недавно ехал он в автобусе на занятия. Давка, как всегда по утрам, невероятная. Чувствует: сзади кто-то протискивается, расталкивает всех, дерзко так. Хотел было он возмутиться и уже закипел, даже подкладка куртки к телу прилипла, оглянулся, а там милая такая физиономия, рыженькая, лет девятнадцати.

- Проходите, - сладко осклабившись, сказал он и стал услужливо прочищать ей локтями дорогу.

А в университете ему преподавательница нравилась одна. Такая, в общем, невзрачная, носик маленький, куцый, неизвестно каким образом удерживавший на самом кончике две полные луны очков в роговой оправе, но юбки короткие носила, а ножки – загляденье. Она ему «автомат» по своему предмету поставила за активное посещение, ведь другие пропускали ее лекции или не слушали. Особенно девчонки: собьются за задними столами и своими делами занимаются, одна за семестр даже свитер связала.

Когда Юре было 13-14 лет, он начал так бурно расти, что родители уже стали опасаться гормональных нарушений – сами-то низкорослые – однако и не переставали гордиться долговязостью своего сына, будто это было показателем некоей успешности. Сколько раз они потом, лежа в одиночку каждый в своей постели, будут вспоминать эти моменты с осознанием родительской незрелости.

Успешность! Что они в этом понимали тогда? Кого они хотели вырастить из своих сыновей? Как правило, никто над этим не задумывается. Все мысли матери были приблизительно такого рода: «Наконец-то эта гримза-англичанка поставила моему мальчику заслуженную «пятерку», а Сережка вчера, глядя на девицу элегантного вида, державшую сигарету распрямленными пальцами так, что даже я восхитилась и было подумала: «не закурить ли?», вдруг сказал: «А

я никогда не буду курить! Ведь это вредно, правда, мама?» А отец думал: «Юра перерос всех одноклассников. Пусть теперь посмеется Леха, который все щелкал меня по темени, оттягивая средний палец другой рукой и приговаривая, что прекратит это делать, когда стану выше и ему неудобно будет дотягиваться. Но так и дотягивался до выпуска из школы».

- Вон наш, смотри, идет, голова над детской беседкой видна, - не без восхищения говорила мать отцу, глядя в окно со второго этажа.

- Да-а, - тянул папаша, когда из-за беседки уже показывалась фигура сына, похожая на складной метр. Средний шел, буравя острыми коленями брюки школьной формы, уже не раз надставленные снизу матерью, неуклюже размахивая кистями рук с оголенными тощими запястьями. Именно этих запястий он долго стыдился, а они все время предательски норовили высунуться из рукавов пиджака.

Но к двадцати годам тело его окрепло, плечи стали шире и конечности уже не пугали кажущейся непропорциональностью. Кроме того, он увлекся баскетболом и стал замечать на себе восхищенные взгляды девчонок.

Не обделенный вниманием женского пола, он знал цену своей внешности и умению блеснуть остроумием в компании любого ранга, особенно девушек, хотя при этом не выделяя ни одну из них, давая тем самым понять, что завоевать его сердце отнюдь не просто. Это не значит, что ему не хотелось прильнуть к женскому плечу, испытать сладость юно-

шеских чувств. Нет, ему очень этого хотелось, но все кандидатки казались ему либо в чем-то несовершенными, либо слишком прямодушными, если не сказать пустыми, либо в них не хватало какой-то внутренней силы, способной притянуть его своим магнетизмом так, чтобы уже не хотелось сопротивляться.

Да, наконец он понял, какая ему нужна. Сильная, независимая, которая поведет его за собой с уверенностью локомотива, а ему останется ни о чем не думать и плыть...плыть в теплом течении любовного чувства.

Размечтавшись, он не заметил, что идет сам не ведая куда. Может, еще не поздно вернуться? Ленивый скепсис стал спорить с любопытством. А вдруг? Нет, что за ерунда, какая-то предсказательница, шарлатанка просто. Спустись в подземный переход – там найдешь и предсказателей, и талантливых музыкантов, и искусных мастеров любого дела. Но ровная тропа вела его, не разветвляясь и не сворачивая, поэтому бояться было нечего.

Сначала он шел по лугу. Полуденное солнце царственно стояло над ним, выказывая презрение редким перистым облакам. Запахи диких трав, то горькие, то пряные, то бархатно-медовые дурманили голову. Пыльца, припорошившая кроссовки, прицепившиеся к шнуркам колючки – всем этим щедро делился луг. Рядом шла грунтовая дорога, где по временам проезжали авто, оставляя долго не оседавшую завету серой пыли. Скоро тропинка свернула в глубь зарос-

лей лещины, за которыми показался довольно редкий лесок. Узкий, покрытый ряской и полусгнившим валежником ручей отделял его от луга, будто обороняя своего товарища от непрошенных гостей.

Походив вдоль ручья, Юра решил найти брод. Неподалеку оказалось с виду неглубокое место. Он стал спускаться, цепляясь за хмель, густой шапкой покрывавший низкие кустарники. Ноги заскользили по крутому спуску, и в одно мгновение он оказался по пояс в иле, который распустил по воде клубы грязи. Что-то зачавкало и задышало рядом, громко вскрикнула испугнутая птица и, расправив крылья, взлетела, продолжая вещать сородичам страшную новость. Жутко сделалось на душе. Неужели это его и ждало? Может, он все-таки потерял нужное направление? Словно в ответ, предупреждающе-тревожно закричал домовый сыч. Испуг смешался отчаянием. Было ощущение того, что все вокруг: и болотные растения, и птицы, и само болото – затеяли против него коварную игру не на жизнь, а на смерть.

Трясина вязкими объятиями душила грудь, ног он уже не чувствовал. По временам сознание покидало его и возвращалось вновь, давая возможность посмотреть на безразличие ярко-синего неба, на высокомерное равнодушие закатного солнца, на свинцово блестящую воду.

Господи, неужели суждено здесь окончить свою жизнь?! Зачем я пошел, чего мне не хватало? Как страшно умереть вот так! А как не страшно? Почему-то жить не страшно, за-

пирать свою совесть в кладовую не страшно. Да, в кладовую, в которой сидел мой младший брат... вот оно, то самое... оно пришло за мной. Выпустите меня! Мне темно, душно... простите!

Разум завяз в густой каше мысленных обрывков, и ему казалось, что это уже не с ним, что ему все равно, и уже все неважно.

Вдали от человеческого жилья темнеет быстро. Или это болото уже сомкнуло над ним свой смрадный свод? Но тут вдруг едва заметное веяние ветерка донесло до него слабый вздох, чья-то легкая рука коснулась его руки, тонкие цепкие пальцы впились в плечо и потянули к себе, мокрые рыжие локоны заскользили по его лицу. Рыженькая! Откуда она здесь? Смазливое личико показалось перед ним, сверкая белыми зубками. Глаза изумрудной зеленью смотрели в самую душу. С непонятной для него силой женские руки тянули его к берегу. Если бы он мог в этот момент рассмотреть ее... Но тогда все мысли были об одном: выбраться, чтобы жить! Вот он уже чувствует твердую почву. Упираясь ногами в крутой спуск, отчаянно хватаясь за траву, срывая ее пучками, поднимается наверх. Затем оглядывается на свою спасительницу.

- Ну что же ты, идем!

По пояс в воде, девушка, кажется, не внимает ему. Волосы тяжелыми прядями едва прикрывают голую грудь. Вдруг луна, показавшись над деревьями, осветила ее лицо. Блед-

ная кожа пугает своей безжизненностью, зеленые глаза, не мигая, призывно устремлены на него.

- Не бросай меня, милый, останься, - жалобно, нараспев, говорит она. – Иди ко мне.

Непреодолимая сила потянула к ней. Вот он уже делает шаг, другой. Ноги будто сами несут его, но, как во сне, каждое движение становится все тяжелее и тяжелее, и уже под ним не упругая земля, а воздух, в котором утопают беспомощные шаги. Чем ближе, тем холоднее, тем тревожней. Вот ее лицо совсем близко. Не зеленые глаза – черные провалы впиваются пустотой в самое сердце. Она вытягивает вперед голубовато-белую руку с узкими птичьими когтями.

- Не бойся меня. Я подарю тебе любовь.

Но вдруг заухала неясить, издали более высоко и звонко отозвалась ей другая. Юра вздрогнул и, опомнившись, бросился назад.

- Не прощу-у-у! – закричала она неожиданно хриплым и грубым голосом, и эхо разнесло ее крик.

- У-у-у! У-у-у! – отозвалась неясить.

Отбежав на достаточное расстояние, решил обернуться. Девушка повернулась спиной, и то ли показалось ему, то ли это на самом деле было так, но в свете луны сквозь прозрачную кожу просматривались все ее внутренности, словно у рыбьего малька.

Теперь Юра решил больше не оглядываться. И бежал, бежал, а лес становился все гуще, все темнее. Сначала шли

одни осинки и молодые сосенки, изредка попадались грустные березы, блестя стволами в лунном свете; затем пошли больше ели, пихты. Воздух становился плотным и душным. Ни малейшего дуновения ветерка не ощущалось в этой чаще, становилось труднее дышать. Когда понемногу отошел от случившегося, заметил, что одежда на нем грязная и мокрая и он сильно устал.

Под старой разлапистой елью был весьма уютный пригорок, покрытый мхом. Дальше простиралась небольшая поляна, заросшая папоротником. Здесь он решил остановиться. Развязал шнурки кроссовок, которые вначале никак не поддавались ему из-за слипшейся грязи. Да и пальцы не слушались, дрожали. «Неужели я так испугался?» Когда наконец освободился от обуви, то почувствовал, как заныли ноги, растертые до крови от влаги. О том, что голоден, уже не думал. Сейчас хотелось только спать. Морфей уже стал завладевать его телом и сознанием, как вдруг всплыла яркая картинка: рыжие волосы, синюшные руки и черная пустота вместо глаз. Что-то будто подкатило к горлу, и сон разлетелся на атомы.

Постепенно потянуло прохладой, по травам уверенно, как хозяин, стал прохаживаться низовой ветер, который словно будил всех обитателей-слуг: «За дело, за дело, хватит спать!» И лес действительно просыпался. Зашуршало в ветвях ели прямо над головой, кто-то невидимый теребил кусты, сражаясь за право жить, владеть, питаться. Несмотря на густые

кроны, лунный свет, словно упрямый водяной поток, просачивался повсюду, обтекая любые препятствия, и желтыми пятнами кропил бугры и полянки. Совсем рядом звонко, полягушачьи, распустил свою трель козодой. Короткие, но не смолкающие ни на минуту куплеты раздавались все уверенней и громче, застревая и вибрируя в ушах.

Лунный блик на стволе ели облюбовал бражник. Летучие мыши чертили пространство над поляной в разных направлениях. Как черные молнии, они метались в поисках насекомых, своими перепончатыми лапками и красными глазами напоминая драконов. Вот одна из них ловко подлетела к бражнику, он встрепенулся, включил моторчик своих бархатных крыльев, но сразу же стал добычей охотницы. Пролетев очень низко над головой Юры, но не задев ее, мышь с растянутыми перепонками круто метнулась вверх.

Становилось холоднее. Темные тучи поползли по небу и закрыли луну. Тут и там, по траве, кустам и даже деревьям, брызнули зелеными искрами светляки. Неожиданно в траве около ладони зашевелилось черное блестящее тельце. Это была саламандра. Она подползла поближе к его лицу, склонившемуся над ней, и уставилась выпуклыми глазками на невиданного гостя. В какое-то мгновение ему показалось, что между ним и этим существом прошел мысленный диалог, в котором животное поняло его, только перевести это на словесный язык он бы не смог. Вдруг через спинку саламандры пробежала огненная полоска – словно пучок искр

вырвался в темноту ночи. И разом зашевелилось все вокруг: из кустов, из-под хвойной подстилки, коряг и корней, как языки пламени, потекли саламандры на середину поляны. Казалось, будто целая армия, неся факелы, готова схватиться с суровым противником.

Собравшись вместе, саламандры слились в общую массу и вновь рассыпались огненными шарами, которые стали кататься в неведомом порядке, по временам перепрыгивали друг через друга, зависали на несколько секунд в воздухе и снова раскатывались. Юра с удивлением наблюдал за этой странной пляской, которая длилась неопределенное время. Присмотревшись, он увидел, что саламандры собрали большую кучу хвороста. Утомленный загадочной игрой света и тьмы, он ощутил, как слипаются веки и тяжелеет голова. Внезапно собравшиеся в одну общую массу шары воспламенились костром. Огонь затрещал сухим фейерверком, осветил поляну, заставил дрожать воздух, разметал искры под самое небо; тьма отступила дальше, в чащу. Юноше стало тепло. Засыпая, он чувствовал, как саламандры обвивают его тело мягким игольчатым мхом, и думал о том, что утром непременно вернется домой.

Мох был как пушистый зеленый плед, которым они с братом укрывались, когда смотрели телевизор. Они еще умещались в одном кресле и, поджав ноги, громко комментировали фрагменты фильмов. А тут Сережка – ну и зануда! То штаны

поменять, то поиграй с ним. Скорей бы мать пришла. Сама родила, сама пусть и занимается.

- Ну потитай сказку! Поделжи мишку! – канючит Серый. Переглянулись мы и решили запихать его в кладовку, чтоб не мешал.

Реву было! Ничего – поорет и перестанет – так часто и отец говорил. Сделали мы телевизор погромче и постарались не обращать внимания на детские капризы. Но младший не унимался.

- Может, выпустим?

- Манипулирует, - отрезал брат. И я, глядя на его невозмутимое спокойствие, тоже заставил себя быть хладнокровным.

Потом стало тихо. Мы досмотрели фильм и пошли гулять, позабыв о брате. Пришли домой, когда уже вечерело. Родители были дома. Сережка сидел над тарелкой с кашей.

- Пока не съешь, из-за стола не выйдешь, - твердил отец. Если родители говорят такое, они всегда правы. В любой борьбе должен быть победитель и проигравший. Так вот, в этой вечной борьбе между родителями и детьми последние – заведомо проигравшие.

Но Сережка не хотел есть. Он был бледный и как будто постаревший. Да-да, на миг мне показалось, что взгляд его принял выражение лица нашего недавно умершего деда.

- А почему Сережа был в кладовке? – спросила мать, заметив наше возвращение. Я замычал, еще не зная, что ска-

зять, так как не подготовился к этой ситуации. Но мой находчивый брат опередил меня:

- Попросил в прятки поиграть и не захотел выходить оттуда.

- Ничего, зато выпался там, - твердо сказал отец, подмигнув нам. Моя совесть теперь была чиста.

«Совесть – лучший контролер», - такую надпись можно было часто видеть в разных местах, особенно в транспорте. Моему старшему брату стоило позавидовать в умении держать контроль над собой, потому что с совестью у него, очевидно, был полный порядок...

Он приоткрыл глаза и в зареве пробуждающегося утра увидел впереди, над лесом, на довольно высоком плато, величественный замок, островерхие башни которого золотом сияли в лучах восходящего солнца. Впрочем, кроме башен, рассмотреть замок более подробно не выходило: бело-розовая дымка утреннего пара застилала его почти полностью. «Почему я не заметил его вчера? Может быть – это декорации, которые установили киношники, пока я спал?» Но никакого движения вокруг, сколько он мог рассмотреть, не наблюдалось. Говорят, что иногда люди видят мираж ... И он решил посмотреть на это, когда станет совсем светло.

Проснулся он от яркого солнца, которое бесстрастно жарило в глаза сквозь незанавешенную полоску между шторами. Подушка сбилась на бок кровати, а простынь оказалась

вся между краем матраца и стеной. Из кухни приятно тянуло запахом маминых блинчиков. Юра заулыбался. Как здорово! Ох, как же здорово! Он вскочил с кровати и направился на кухню.

Но у плиты стояла не мама. Изящная юная фигурка с рыжими волосами хлопотала над блинчиками.

- Ты как будешь: с вареньем или медом? – спросила она, не оборачиваясь.

- Откуда...- успел пролепетать он. Но девушка, ставя дымящуюся горку блинчиков на стол, поспешила рассказать ему, как все просто. Она работает в университетской библиотеке. В деканате узнала его адрес, сославшись на то, что он должник по книгам.

- Вот и все! – радостно сообщила она.

- Ой, мне же на занятия! – спохватился Юра, уцепившись за эту мысль, как за спасательный круг.

- Дорогой, - упредила она, - какие занятия? Сегодня наша свадьба.

Столь неожиданный поворот событий удивил его гораздо больше, чем русалка, саламандры и замок. Но, посмотрев внимательно на милое улыбающееся лицо, подумал: «А почему бы и нет? Ведь я этого, кажется, хотел. Только странно, что я не знаю имени своей невесты. Все складывается, но как вышло, что я забыл имя?»

- Мери-Диана, - проговорила она. – Или просто Дина – именно так ты меня любишь называть.

«Что делать-что делать-что делать?!» - стучало в голове метрономом. «А где мама? Должен же быть еще кто-нибудь дома?»

- Родители уехали за покупками к столу. Будут только самые близкие родственники и друзья. Отпразднуем, как решили, тесным кругом. А сейчас быстро завтракать и в загс.

- Что-то аппетита нет, - сказал Юра.

- Ничего, милый, - прошептала Диана, обняв его сзади за плечи. — Я тоже волнуюсь.

Он пошел в комнату одеваться. К удивлению, увидел, что дверца с зеркалом на шкафу занавешена старой простыней, однако не стал трогать, на всякий случай. В шкафу, как нетрудно было догадаться, его ждал брачный костюм-тройка, под кроватью – коробка с новыми лакированными туфлями. Когда-то он мечтал о таких. Но теперь, когда открыл коробку, этот черный лакированный блеск неожиданно заставил вздрогнуть; шнурки топорщились, как оголенные провода, и дразнили на концах раздвоенными языками. Закрывать коробку и проснуться!

- И не забудь, что нам еще за цветами! – раздался из другой комнаты голос невесты.

И снова утро. На этот раз с сюрпризами покончено. Мягкая женская ручка обвивает его грудь. Кажется, Диана замерзла. Юра, пока с закрытыми глазами, укрывает ее одеялом и уже хочет повернуться на другой бок, как рука воз-

любленной довольно жестко останавливает его.

- Ну что ты, дорогая, давай еще поспим, - и он целует ее в руку, которая кажется ему слишком холодной и какой-то скользкой. Девушка молча еще сильнее давит на грудь.

- Что за... - вырывается у него. Сна как не бывало! Он видит, что на груди у него не рука, а огромная золотистая змея, которая грациозно, но крепко держит его в своих объятиях. Все Юрины попытки вырваться выглядят смешными и бесполезными. Змея тем временем в несколько витков оборачивает его тело и подбирается к самому горлу. Хочется крикнуть, но шея уже в железной хватке. И все теснее, теснее кольца. Юра задыхается, темнеет в глазах. «Что нужно ей от меня? Скорей проснуться!» Но это не сон.

- Ты думал, милый, - прошипела змея, - что я тебя плохо знаю. Нет, очень хорошо. Ты был еще маленьким мальчиком, когда я присмотрела тебя. А какой ты был хорошенький: весь в золотистых кудряшках, прям, как у меня в детстве.

«Что она несет? Я теряю сознание!»

- Нет, не потеряешь – я знаю, как оставить сознание и не задушить. Только послушай: тебе никто не поможет, ты сам должен пройти все до конца, ты сам загорелся желанием и сам выдумал меня. А ты знаешь, что тот, кто идет за своим желанием, должен принести жертвы? Об этом ты не подумал?

«А есть ли у меня возможность хотя бы подумать?»

- У тебя есть только одна возможность – не переставать

желать.

Сознание все-таки покидало Юру, и сквозь пелену, накрывавшую его, он слышал шипение золотистой змеи.

Очнувшись, Юра понял, что потерял счет времени. Он увидел себя лежащим на роскошной кровати с бархатным пологом. Большая светлая комната с настенными фресками на мифологические сюжеты, резные стулья с синей шелковой обивкой, массивный подсвечник около узкого окна-бойницы с витражными стеклами.

К нему приблизилась Мери-Диана.

Лучи солнца прорвались сквозь витражи, запутались в золотистых волосах. Жестко шуршит ее многослойная одежда, широкие рукава туники, словно пасти крокодилов, раскрываются над юношей, когда она наклоняется над ним:

- Завтрак подан. Пора к столу.

Диана свела Юру по винтовой лестнице на этаж ниже. Распахнув дубовую дверь, она указала на вход в просторный гостевой зал с камином. Стены были увешаны плотными гобеленами со сценами рыцарских турниров или охоты. Аристократы на лошадях и пажы с соколами равно козыряли своей горделивой осанкой и торжественностью лиц. Картины эти казались бы надуманными, если бы не чучельные головы кабанов, лис и оленей, приделанные к ним – они оживляли древние события, придавая им драматизм. Камин жарко пылал, но тем не менее тепло было только в непосредственной близости к нему, где стояли два вычурных кресла, покрытых

медвежьими шкурами. Змея жестом пригласила Юру сесть.

Если бы раньше ему сказали, что он окажется в подобном замке, среди роскошных старинных предметов интерьера, да еще в компании красивой девушки, угощающей превосходным вином с изысканными закусками, он позавидовал бы самому себе. Но теперь! Всегда ли реальность мрачнее фантазий, или он просто трус?

- Я познакомлю тебя с замком. Это старые владения моей родовой знати. Ты не должен бояться –здесь все предельно безопасно.

После того как они в полном молчании отведали жареной дичи и выпили вина, Диана сказала:

- Ну что ж, прошу.

Они вышли на балкон, и Юра увидел, что находится в высокой башне, отвесная глухая стена которой была ничуть не меньше сорока метров высотой. Чуть поодаль располагалась круглая башня пониже, небольшие хозяйственные постройки и колодец. Замок окружал двойной ряд стен с бойницами и зубцами в виде ласточкиного хвоста. Они вышли на галерею. Ветер подхватил волосы Дианы и рассыпал их золотом по плечам. Юра невольно залюбовался.

- Да, здесь замечательно, - улыбнулась она. – Я бы отсюда ни за что не сбежала.

«Ничего не скроешь от нее, - подумал Юра. Хотя...что в этом удивительного?».

- Пойдем дальше?

Они прошли по галерее, местами крытой, через несколько бастионов. Под ногами был плотно пригнанный булыжник, вполне себе обычный, и Юра подумал: что если поднять от него глаза, то он окажется не здесь, а на одной из старинных улиц родного города, где сохранились остатки такой же мощеной дороги?

Но перед ним предстали главные ворота. Внизу был ров с водой, окружавший по периметру всю внешнюю стену.

- Ты хочешь узнать глубину этого рва? – спросила Диана, откинув со лба прядь волос.

- Я и так все понял. «Зачем я это сказал? Что понял-то? Показал, что испугался!»

- Нет, не все. Для этого нам надо вернуться в донжон. И, кстати, подъемный мост что-то в последнее время заедает. Надо приказать, чтобы смазали цепи: в прошлый раз гости провалились в волчью яму. Вот было смеху! – и зубки Дианы оскалились. Юра заметил, что были они мелкие и острые. Вспомнилось из детства: «Белка песенки поет и орешки все грызет». Он любил орехи, фундук особенно, только колоть их не любил, а для того просил маму купить ему белку. Но мама отмахивалась, как-то странно улыбаясь: мол, какие белки? И так полно проблем.

Диана повела Юру назад. Винтовая лестница в мрачной шахте без единого окна напоминала жилище черных духов. Пламя факела мерцало, выхватывая из темноты жуткие сцены инквизиции, время доносило из средневекового прошло-

го душераздирающие крики, мрачные тени мелькали совсем рядом, заглядывая Юре в лицо, обдавая его могильным холодом. Он старался держаться ближе к Диане. Ее же выражение лица поражало спокойствием. Нет, даже не то – он видел когда-то картину Караваджо с изображением казни. Палач стоял над своей жертвой, как ему показалось, с видом явного торжества и удовольствия, будто выполнение воли его хозяина давало ему право отменить человечность. Именно так: нечеловеческое удовольствие – вот, что было в ее лице. Как только они достигли последних ступеней, она резко повернулась к нему, ослепив пламенем факела.

- Точно такая же шахта расположена на симметричной стороне донжона. Однако там нет лестницы, только подъемник, который я смогу опустить, или поднять... Или лишь опустить, - и немного помолчав, добавила: - Надеюсь, в безопасности замка не осталось сомнений...

Они снова сели у камина. Юра не знал, для чего он здесь, что хочет от него змея. Холодом преисподней тянуло от разгоревшегося камина, и дрожь прошла по телу, когда он услышал такой же замогильный древний шепот:

- Теперь ты не в моей власти. Ты должен добыть ему частицу камня. Если хочешь вернуться назад.

- Кто он?

- Имя нашего Владыки ты услышишь только один раз и не имеешь права назвать ни разу! Витт! – торжественно произнесла она, и в ее желтых глазах блеснул золотистый огонь.

- Алабор – вожденная мечта нашего мира. С некоторых пор никому из Нави он не открывается, а без него мы теряем свою силу. Только простой смертный может найти его, однако не каждый из вас. Он дается тому, кто думает не о себе, кого люди считают за глупца. Мы можем многое: мы читаем тайны ваших судеб, и даже стихии повинуются нам, но камень для нас недосягаем.

- В чем его сила?

- Алабор выдохнул Священный Род, который Альфа и Омега всему, что есть во Вселенной. От камня идет сила во все стороны мироздания. Из-под него текут реки животворящие. Нам нужно успеть до вдоха, пока не растворилось мироздание и не вернулось к своему Истоку, потому что Род может в новом цикле времени исправить ошибку творения.

- А в чем состоит эта ошибка? – спросил Юра.

Но Мери-Диана не ответила ему.

Тем временем день вступал в свои права, и она стала поторапливать:

- Одевайся, дорогой муженек, ты должен прийти до наступления темноты.

- Куда прийти?

- Ах, да, совсем забыла: к избушке Бабы Яги. Только через нее ты можешь попасть в мир мертвых. Хотя ты уже и так в нашем мире, но таков порядок.

Юра вышел из замка, когда солнце стояло в зените. С плато, окруженного глубоким рвом с водой, было видно далеко

вокруг.

- Видишь, - сказала Мери-Диана, - ты должен пойти по той дороге. Она в этих местах единственная, - и она указала рукой на проложенную среди густого хвойного леса просеку. Лес окружал замок со всех сторон и, сколько было видно глазу, простирался до самого горизонта.

Когда Юра уже с просеки обернулся назад, чтобы посмотреть на замок. Тот сиял в лучах солнца во всем своем величии. Шпили башен, казалось, цепляли облака и, словно веретена, держали облачную пряжу, не давая ей двигаться дальше. Замок выглядел эфемерным, будто эхо далекого прошлого принесло неисчезающее видение.

Просека сменилась тропой, которая скоро стала петлять и теряться в густой траве. Юра понял, что заблудился. Однако он продолжал идти. Не все ли равно теперь? Было совершенно ясно, что этот мир не бесконечен.

Глава 4

Старший

Ведь подумать только, нашел во что поверить. Доверчивость, как один из оттенков глупости, не рождает ничего жизнеспособного, а потому признать, что ты ей поддался, означает безусловное поражение. С другой стороны, не все же в мире подчиняется рациональным законам, что-то совершается вдруг, само собой, или, как говорят, по счастливой случайности.

Что уж, терять нечего. Он вспомнил, с чего все началось.

В тот день кропил мелкий нудный дождик. Вокзал казался безлюдным, но, когда братья вошли в здание, их охватил тяжелый запах множества человеческих тел, смешанный с запахом жареных пирожков с капустой, свежей печати и суррогатного кофе. Братья уставились на табло в ожидании нужной электрички.

- Может, вернемся? Что делать в такую погоду на даче? – предложил Олег. Но братья промолчали: ясно, обещали родителям. До электрички было целых полчаса. Они поели мороженого, пересмотрели содержимое двух ларьков, в которых было все, начиная с сувениров и кончая бытовой химией. Сергей решил выйти подышать.

Скоро он вернулся какой-то растерянной походкой. При

этом лицо его с бледным полураскрытым ртом выражало задумчивую тревогу. Одну руку он как-то суетливо втиснул в карман куртки, другой теребил воротник рубашки. Что он сказал им в тот день, сначала развеселило обоих. Но и Олег, и Юра, не признаваясь в том друг другу, не раз невольно возвращались к этому событию. Оно не давало им покоя, будто неведомая сущность вошла в их жизнь, навязывая мысль о себе, преследуя и днем, во время дел, и в часы сна. Каждый из них представлял себе другую жизнь, где будет так, как ему хотелось.

У родителей, сколько помнил Олег, всегда не хватало денег. В 80-е не хватало на видеомэгнитофон, в 90-е – наличный холодильник, в двухтысячные еще много на что не хватало. Он сразу сказал себе, что у него все будет по-другому.

В школе Олег был одним из лучших учеников. Он щедро давал списывать тем, кто мог что-то дать взамен, например, жевательную резинку. С поступлением в институт ставки выросли, и однокласснику он помог решить контрольную за новый плеер. Сережа просил послушать музыку и потому часто в школе оставался без завтраков. «Что поделаешь, - говорил Олег, - хочешь жить красиво - надо чем-то жертвовать». И Сережа жертвовал.

Вообще, Олег был правдолюбом. Однажды на собрании студсовета он выступил с докладом о борьбе со списыванием и подложными справками о болезни. Все одобрительно ки-

вали. Заметив, что по сравнению с предыдущими ораторами он стал объектом настойчивого внимания, возвысил голос, стал красноречивее и с еще большим ожесточением набросился на нарушителей порядка. На вручении диплома он выслушал много похвал в свой адрес. Но декан, пожимая ему руку, проговорил как бы между прочим: «Если хочешь победить зло и стать богатым, придется выбрать одно из двух».

И теперь он направлялся в неведомую сторону к благополучному, счастливому будущему. Что там нашептала эта старуха? Камень? Прямо как в сказке! Да много ли камней в этом лесу? Как определить тот самый? Сережка сказал, что стояла та ведьма у входа в вокзал и просила милостыню. Предрекла она одному из них скорую кончину, другому – женитьбу, третьему – богатство. А выбор предстояло сделать им самим. Успеть бы... или вернуться – подкрепиться бутербродами из рюкзака – и вернуться?

Размышляя таким образом, он шел вдоль леса, не решаясь войти в него. Здесь пролегла узкая стежка, с другой стороны которой был небольшой спуск к железнодорожному полотну. Изредка громыхал по нему товарный поезд, и тогда лес уступал свои права железному чудовищу: жизнь в нем замолкала. Но как только последний вагон исчезал вдали, унося с собой прощальный гудок тепловоза, снова, как по взмаху дирижерской палочки, вступал хор цикад, шелестела аккомпанементом листва, отрабатывал ритм ударник-дятел. В такой момент становилось тревожней, неизвестность пугала.

С поездом было куда спокойнее – все-таки объект цивилизации, которая покровительствует людям. А природа – что? Кто над ней властен? Вот стоит дерево, оно растет само по себе, и ему неважно, какая партия победит на выборах, на сколько процентов подорожают акции той или иной компании. И ему все равно, кто стоит перед ним и что он о нем думает. И белке, которая суетится на дереве, тоже все равно.

Летом Сережу обычно отправляли в деревню к бабушке, но они с Юрой не любили туда ездить – глухомань, никакого творческого полета. Родители на работе, а они – в парк. Парк был разбит в бывшем сосновом лесу, поэтому, кроме освоенных мест для аттракционов, в нем сохранились первобытные зоны.

- Смотри, белка! – заметил Юра. Белка была приручена посетителями парка и не боялась приближаться к людям. Девочка лет восьми с матерью кормили ее прямо из рук крошками от печенья. Зверек проворно хватал с ладоней передними лапками угощение и тут же лакомился на забаву зрителям. Скоро все было съедено, и мать с девочкой ушли.

У меня в кармане оказался кусок поломанного сыра от бутерброда. Я протянул его белке.

- Смотри! Ест! – сказал брат. Потом белка взобралась ко мне на руку.

Мы шли домой с затаенной торжественностью – у меня за пазухой сидела белка! Дома мы еще немного позабавились с

ней. Но потом как-то стало скучно, да и белка стала осторожнее. Тут мне на глаза попались гуашевые краски Сережки.

- Идея! Давай из нее енота сделаем и выпустим! Вот люди удивятся: откуда в наших местах енот?

- Круто! – подхватил Юрка, и мы принялись за дело. Правда, это оказалось не так просто. Белка от нашей затеи была явно не в восторге: она царапалась, вырывалась, а мы безуспешно пытались привлечь ее разным съестным.

- Держи крепче! – кричал я брату. Он старался изо всех сил, и все-таки черно-белые полосы на мордочке, спинке и хвосте вышли почти натуральными.

- Прямо настоящий енот! – визжал от восторга Юрка. Белку мы оттащили обратно в парк вечером и, пока никто не видел, отпустили. Она несколько минут неподвижно сидела рядом с нами, потом как-то вяло направилась к дереву.

На следующий день мы снова пошли в парк. Покатались на любимом «Ветерке», внутри деревянного змея Горыныча побаловались сигаретами, которые удалось ночью вытащить у отца из кармана рабочей куртки. Потом двинулись в сторону кафе, где продавалось наше любимое пирожное. О белке мы тогда забыли.

Тут мы увидели группу людей, что-то рассматривавших на земле. Издали доносились отдельные реплики, которых поначалу было не разобрать, и чей-то плач. Мы подошли ближе и увидели, что плачет та самая девочка, которая вчера была здесь с матерью. Еще с десятков людей, глаза которых

были устремлены на нечто лежавшее рядом со стволом сосны, замер, как остановившийся кинокадр. На земле, покрытой редкой травой и сосновыми шишками, лежал пушистый зверек в пятнах черной и белой краски. Шерстка неровно топорщилась и колыхалась от слабого ветра. Вокруг летали зеленые мухи.

- Кто же смог такое сделать? – возмущалась пожилая женщина. – Да что б у него руки отсохли!

Я потянул брата за рукав. Мне в тот момент показалось, что если мы еще немного здесь задержимся, то руки и впрямь могут отсохнуть.

Мы поспешили в кафе, съели по два пирожных, запили яблочным соком и пошли домой. Долго не говорили об этом случае. Я вообще старался его забыть, потому что беспокойно жить с таким воспоминанием.

Стало смеркаться. Пришлось все-таки свернуть в лес. Полчаса хождения не дали никаких результатов. Хотя тропинок в лесу не было, но не приходилось пробираться сквозь бурелом или подлесок – была ровная подстилка, поросшая невысокой травой. Однако все чаще под ногами стали попадаться камни. Впереди он увидел густые заросли клена, сквозь которые едва проглядывали остатки старинного строения. В вековых липах, посаженных рядами и заросших непроходимыми кустами калины и боярышника, угадывался запущенный от времени парк. Олег наткнулся на обломок

стены, который, вероятно, некогда был входными воротами усадьбы. Впереди небольшая двухпролетная лестница вела в неведомые покои, служившие когда-то давно здешним хозяевам. Правда, от покоев осталась лишь стена из полуразрушенных камней.

Олег попробовал подняться по лестнице. Стертые ступени едва различались под покрывалом из плюща. Кое-где сохранились обломки ржавого основания перил. Он аккуратно пошел вверх, стараясь наступать на уцелевшие части ступеней, и заглянул в проем. Неожиданно нога попала в прореху между камнями, он сделал попытку удержать равновесие, схватившись обеими руками за боковые части проема, но каменная глыба подалась и вперед и, обрушившись, увлекла за собой Олега.

Когда он открыл глаза, была ночь. Темнота была кромешная, только откуда-то сверху раздавался странный писк. Олег попробовал подняться, но все тело было будто ватным, усилия пошевелить конечностями оказались тщетны – руки и ноги не хотели повиноваться ему. При этом он не чувствовал никакой боли, ничего, что могло бы помешать ему встать. Некоторое время он вглядывался в темноту и увидел едва различимые витражные стекла сводчатого окна. Ни малейшего звука, кроме продолжавшегося время от времени писка, не слышалось до сих пор. Вдруг раздался плавный шум крыльев, и большая сова, коснувшись лица мягким оперением, слетела ему на грудь. Она смотрела на него своим

немигающим взглядом, и тяжесть ее тела давила на диафрагму, не давала полностью вдохнуть. Прогнать ее у Олега не было сил. Сова сидела не шевелясь, и он уже было подумал, что это призрак, как она вдруг сказала:

- Что? Не спится?

Внезапно по стене еле заметно скользнул луч света и исчез. Сова встрепенулась. Затем луч снова появился и уже не пропадал, а играл по стенам. Издали слышались шаги, которые становились все отчетливее, а свет все ярче. Сова тревожно заохала:

- Он идет, идет...

Кто-то шел неспешным, тяжелым шагом, и эта поступь гулко отзывалась эхом со всех сторон. Вместе с тем постепенно проявлялись очертания мраморных стен. Круглые колонны, украшенные сверху барельефами с изображениями каких-то невиданных птиц с женскими головами, поддерживали высокий арочный потолок с мозаичными сюжетами. Чьи-то тяжелые и звонкие, словно железные, ступни приблизились и остановились совсем рядом, за головой Олега. Хотелось очнуться, как от кошмарного сна, но ничего не выходило. Страх навалился на него всей своей неумолимой тяжестью. Безысходность этого чувства и невозможность двигаться доводили до отчаяния. Сова взлетела, бесшумно расправив крылья.

- Я ждал тебя, - проскрежетал низкий, явно нечеловеческий голос. – Вставай и иди за мной.

«Что он от меня хочет?» - подумалось Олегу. И тут же неведомая сила подняла его на ноги.

Перед ним стояло существо, похожее на человека, но не человек. В руке оно держало горящий факел. Голова представляла бы голый череп, если бы не живые прозрачные глаза, уставившиеся на Олега жалящим взглядом. Череп покрывало подобие короны, но короны весьма необычной. Она состояла из звеньев – мелких человеческих костей, соединенных сухожилиями. Руки и ноги были очень тонкими и темными, покрытыми редкой длинной шерстью. На существо был надет белый балахон грубого сукна и серый кожаный фартук в странных бурых пятнах. Массивные ступни были обуты в высокие металлические сапоги, обвитые жилами, по которым, как рассмотрел Олег, текла красная жидкость. Жилы соединялись в одну толстую аорту на поясе, а оттуда аорта змеей вилась вокруг тела и впивалась в горло чудовища через щель.

Олег не мог не повиноваться. Они пошли по мрачным, темным коридорам к неизвестной Олегу цели. Он боялся задать какой-либо вопрос, так как чувствовал себя полностью во власти этого монстра. Шли они, как казалось ему, уже час, а может быть, больше. Однако один коридор переходил в другой, другой – в третий, и каждый новый коридор становился все темнее, несмотря на то что факел по-прежнему горел. Пол был каменный, а стены, хотя и ровные, но земляные. В нишах этих стен свет от факела вырывал из темно-

ты по паре глаз, вспыхивающих красным. Наконец впереди показалась дверь с коваными железными запорами. Из кармана фартука существо извлекло гигантских размеров ключ, похожий на берцовую кость, и вставило в железный замок в виде черепа. Дверь с жутким скрипом отворилась, и глазам Олега представилось удивительное зрелище.

Это было просторное помещение, но при этом гораздо меньше главного зала замка и роскошно убранное. Повсюду стояли кубки и вазы редкой красоты: фарфоровые, серебряные, золотые. На стенах висели женские украшения из камней редких пород. Бриллиантовые диадемы и колъе сверкали в лучах искусственного света разноцветными бликами. Посреди зала на мраморном помосте был стеклянный купол, к которому направилось существо, указав рукой следовать за ним. Издали было непонятно, что помещается под этим куполом. Но факел осветил его, и глазам Олега открылась потрясающая картина: швейцарские франки и бахрейнские динары, фунты стерлингов и американские доллары лежали плотными пачками, обвитыми красными и зелеными лентами. У него захватило дух: «На эти деньги я смог бы многое сделать, не только ресторан открыть».

- А теперь поговорим, - проскрежетало чудовище, когда Олег еще не успел оправиться от увиденного. – Я Навский Царь Веллигул, царь земли. – И он сел на трон со стрельчатой золотой спинкой. – Я все знаю про тебя. Без лишних фраз скажу прямо: мне нужен наследник всех моих богатств,

так как мой срок подходит к концу. Я изучил твою судьбу на скрижалях древних: ты – самый подходящий для этой роли из Яви.

Олег еще не успел вымолвить ни слова, ошеломленный всем происходящим, как Царь продолжил:

Оставайся у меня. Присмотрись. Подумай. Шаг очень важный, поэтому ты должен выбрать: между правдой и великой красотой – и он повел рукой вокруг – срединной дороги нет.

Олег не знал, надо ли было что-то сказать, да и при всем желании сделать это у него бы ничего не вышло: язык и губы словно онемели. Он стоял в оцепенении, как имобилизованный цыпленок при виде кота. Царь встал, подошел к Олегу, при этом указав рукой на трон. Юноша все еще оставался в нерешительности, но властное выражение лица владыки (если это вообще можно было назвать лицом) не допускало сомнений: Олег шагнул вперед. Ему показалось, что в этот момент глаза этого чудовища сверкнули с жадной радостью. Еще несколько метров отделяли его от трона, преодолевая которые, как будто путь по колено в песке, он слышал, как где-то жалобно мяукала сова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.